

Л.Л. Бельская

Поэма судьбы

Ни одно из есенинских произведений не вызывало столько споров, которые продолжают и по сей день, как лирическая поэма «Черный человек». Особенно спорят о том, кто такой Черный человек, какой смысл вложен в этот образ. Объективированы ли в нем темные внешние силы, мучающие и преследующие поэта, как пушкинского Моцарта («Мне день и ночь покоя не дает Мой черный человек. За мною всюду, Как тень, он гонится»), или это внутренний голос лирического героя, выражение его душевной раздвоенности? И второй вопрос, не решенный до сих пор: когда была написана поэма — в последние месяцы жизни автора или в начале 20-х годов, в период «Москвы кабацкой»? Чтобы ответить на эти вопросы, надо обратиться к целостному анализу поэмы и прочтению ее в контексте творчества Есенина.

В композиционном отношении это двухчастное произведение, состоящее из 20 строф — 18 катренов с перекрестной рифмовкой и 2 пятистиший, включающих в себя «холостую» строку (АБХАБ и АБАБХ). Две части поэмы — две встречи лирического героя с Черным человеком — построены «зеркально». Одинаковое вступление с обращением к другу (одна строфа), описание душевного состояния поэта и приход «прескверного гостя» (две строфы), затем его монолог (пять строф), ответ собеседника (одна строфа) и концовка (одна строфа). Композиционная схема: 1+2+5+1+1 = 1+2+5+1+1 = поражает своей стройностью и четкостью. Строфическую уравнированность частей нарушает добавление двух лишних стихов в первой части (строфы II и III) — в момент неожиданного и кошмарного появления черного призрака.

Первая строфа, начиная обе части поэмы, скрепляет и объединяет их в одно целое. Занимая особое место в композиции, она становится эмоционально «ключевой» в структуре всего произведения, выделенная в образном, лексическом и ритмическом отношении.

I и XI.

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рошу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.

Вся строфа пронизана всевозможными повторениями, сближениями, аналогиями, нагнетающими, усиливающими напряженность и взволнованность поэтической речи: «друг мой, друг мой», «очень и очень», «болен» и «боль». Синонимы «пустой» и «безлюдный» обостряют впечатление полной пустоты от всего живого: и людей и зверей. А метафорическое сопоставление таких, казалось бы, несовместимых понятий, как осенний листопад и «осыпание» мозгов от алкоголя, отражает болезненное психическое состояние героя. В звуковом «оформлении» отчетливо слышны две группы звуков (*бли* — боль, болен и *вст* — свист ветра), причем первая определяет и рифменные созвучия: болен — боль — полем — алкоголь, как бы указывая и на причину и на следствие.

Зачин задает и метроритмический «пульс» поэме — это вольные дольники (от 3 до 5 ударений в строке), приближающиеся к анапестам, и уже со второго стиха пробивается анапестический ритм. Вероятно, не случаен выбор метра, рожденного XX веком и связанного с именами Блока и Ахматовой. Ко времени создания «Черного человека» дольник приобрел в русской поэзии ощутимый «экспрессивный ореол» (термин акад. В. Вино-

градова), ассоциируясь с мотивами душевной неуспокоенности и неустроенности в тревожном, катастрофическом мире. С самого начала вводится в поэму графический столбик, который делит строки на полустихия и делает течение стиха более прерывистым. Только шесть строк не подверглись расчленению, выделяясь на общем фоне, в том числе вторая: повторенная дважды, она придает исповеди определенную настроенность — подавленности, растерянности и желания понять, чем вызван душевный надлом.

Вторая строфа подхватывает и экспрессивный настрой, и анапестический «импульс», и имажинистскую метафоричность первой. Образ поникшей головы-птицы, бесильно машущей ушами-крыльями, развивает тему осеннего увядания и умирания.

II

Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица.
Ей на шее ноги
Маячить больше невмочь.

Во второй строфе возникает главная тема поэмы — появляется Черный человек, о чем возвещают и ритмический сдвиг, и новый звуковой комплекс — *ч, щ, ш, ж*. Уже полустихия «Маячить больше невмочь» как будто предсказывало страшное видение, ночной кошмар. Звуковой повтор вступает в ассоциативные связи со смыслом, и сходство звучания сближает отдаленные по значению слова: «черный человек», «маячить», «невмочь», «ночь», «бормочет». И настойчивое четырехкратное «очень» тоже втягивается в орбиту притяжения главной темы, как неотделим от нее мотив ночи, проходящей через все произведение и доведенный до кульминационного, «обвинительного» накала в последних строках:

Ах ты, ночь!
Что ты, ночь, наковеркала?

Ритмическим сигналом новой темы является нерифмованный стих (АбХАб), 4-ударная строка на фоне 5-ударных (55455), «неправильная» ритмическая форма — 3—, выпадающая из схемы дольника: эта вариация станет в поэме, особенно в первой части, лейтмотивом Черного человека. Наконец, трижды повторенное сочетание «черный человек» с добавлением «черный, черный» как навязчивый бред передает смятение и потрясение героя.

III

Черный человек, (3)
Черный черный,
Черный человек (3)
На кровать ко мне садится,
Черный человек (3)
Спать не дает мне всю ночь.

Монологи ночного гостя и в первой и во второй частях поэмы начинаются с обращения «Слушай, слушай» и авторской ремарки «бормочет мне», «хрипит он, смотря мне в лицо». Но тональность их различна. Вначале Черный человек сдержан, почти добродушен и без особых резкостей по-приятельски посмеивается над собеседником, рассуждая о «стране негодяев», о прекраснейших планах в книге жизни поэта, читает из нее выдержки. И его оценки и характеристики хотя и ироничны, но не беспощадны («авантюрист, но самой высокой и лучшей, марки», «изящен, к тому ж поэт, хоть с небольшой, но ухватистой силою»). Эти рассуждения даны в форме афористических сентенций, развернутых синтаксических периодов, присоединительных конструкций («и метели заводят...», «и какую-то женщину...», «и когда тебе грустно...») с размеренными, повествовательными интонациями. Каждое высказывание внутренне антонимично и таит в себе и утверждение и отрицание. Антитезность находит отражение в лексике (прекрасных — отвратительных, женщина — девочка, счастье — муки, до дьявола чист), в синтаксисе (но, хоть), в звукописи

и рифмах (чист — авантюрист, планов — шарлатанов), в ритмике (впервые дактилические клаузулы на фоне женских и мужских).

VI.

Был он изящен,
К тому ж поэт,
Хоть с небольшой,
Но хватистой силою,
И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И своею милою.

Заканчивается речь Черного человека «сплошными» строчками афоризма — логическим и ритмическим завершением.

VIII.

Казаться улыбчивым и простым —
Самое высшее в мире искусство.

Холодно-иронический и менторский тон его нравоучений резко контрастирует со взволнованной тирадой лирического героя, негодующего и потрясенного: возмущенные выкрики и восклицания, короткие фразы и «задыхающаяся» интонация, перебои ритма и единственная в поэме неравносложная рифма, которая устанавливает семантическую связь между словами «этот» и «поэт», словно указывает именно на этого поэта, то есть на говорящего.

IX.

Черный человек!
Ты не смеешь этого!
Ты ведь не на службе
Живешь водолазовой.
Что мне до жизни
Скандального поэта.
Пожалуйста, другим
Читай и рассказывай.

Первая часть завершается X строфой — молчанием мрачного призрака и суровым самоосуждением героя, более непримиримого к себе, чем его недруг. Не Черный человек, а он сам называет себя «прохвостом и забулдыгой», «скандальным поэтом», «жуликом и вором». Эта бескомпромиссность проявляется в огрубленной, сниженной лексике, выдвинутой в рифмы: упор — блевота — вор — кто-то (обращают на себя внимание ударные «о»), в противоестественном соединении поэтического эпитета «голубой» с вульгарной «блевотой», в синонимичном удвоении «бесстыдства» — «наглости»:

Словно хочет сказать мне,
Что я жулик и вор,
Так бесстыдно и нагло
Обокравший кого-то.

Многоточия отделяют первую часть от второй — авторский графический знак разделения. После знакомого нам зачина «Друг мой, друг мой...» следует картина морозной ночи (строфа XII), контрастная по отношению и к свисту ветра в пустынном поле, и к мучительным переживаниям, выраженным в предшествующих строфах. Однако несмотря на ночную тишину и «покой перекрестка», в мирный пейзаж (озаренные луной равнина и сад) проскальзывают тревожные нотки: плач «ночной зловещей птицы» и «копытливый стук» деревьев-всадников (XIII). И опять возникает звуковая тема Черного человека, предвещающая его приход, и сопровождается он той же рифмой «птица — садится», но звук «ц» перейдет в рифмовку следующей строфы (XIV): *лицо* — *клонится* — *подлецов* — *бессонницей*, дополнив звуковой образ «хрипуна», наряду с щипящими и свистящими

согласными, а иногда и «гнусавыми» «н» и «м» («напоенному дремой мирику»), недаром он «бормочет», «хрипит», «гнусавит».

XV.

Ах, положим, ошибся!
Ведь нынче луна.
Что же нужно еще
Напоенному дремой мирику?
Может, с толстыми ляжками
Тайно придет «она»,
И ты будешь читать
Свою дохлую томную лирику?

Во второй части трансформируется не только звучание речи непрошеного визитера, но и ее тональность, приобретая язвительный, ядовитый оттенок, — ирония переходит в сарказм. Черный человек сбрасывает с себя маску бесстрастного монаха, читавшего над «усопшим», и вступает в бой с живым противником: издевается, грубит, бравирует своим цинизмом, провоцирует. В грамматических конструкциях вместо 3-го лица теперь фигурируют 1-е и 2-е: «люблю я поэтов», «в них нахожу», «ты будешь читать», — означая прямой вызов и открытую схватку. На смену повествовательным фразам пришли вопросительные и восклицательные (например, насмешливое «Ах» в начале XV и XVI строф). Издевательски звучат рифменные ассоциации, объединяющие «народ» и «урод», «лицо» и «подлец», а «лирику» с презрительно-уменьшительным «мириком». В иронический контекст втягивается и банальная рифма «луна» — «она» (она — в кавычках), и протяжные, «тягучие» интонации, и перенос «Я не видел, чтоб кто-нибудь/Из подлецов», благодаря которому выносятся в начало строки предлог «из», принимающий на себя полуударение, и выделяется медленно произносимое «подлецов» рядом с 2–3-ударными подстрочиями.

Однако к концу проповеди характер ее снова меняется: кажется, что заряд ненависти и презрения иссяк, и неожиданно слышатся задумчивые, элегические ноты. Исчезают личные местоимения «я» и «ты», и снова незванный посетитель говорит о поэте в 3-м лице, но теперь вспоминает его «желтоволосым» мальчиком «с голубыми глазами». Необычны в речи самоуверенного и циничного Черного человека мягкость, неуверенность, нагнетаемые отрицательными глаголами «не знаю, не помню», перечислением городов с вводным словом «может» («Может, в Калуге, А может, в Рязани»). Сбивчивая, «скомканная» интонация поддерживается неравноударностью полустипий, вариацией анакруз, неточными, как бы сглаженными рифменными созвучиями (Рязани — глазами, селе — семье). Буквально на наших глазах Черный человек сближается с лирическим героем и перестает быть его антиподом.

XVII.

Не знаю, не помню,
В одном селе,
Может, в Калуге,
А может, в Рязани,
Жил мальчик
В простой крестьянской семье,
Желтоволосый,
С голубыми глазами...

Второй монолог ночного пришельца оканчивается строфой, которая в первом занимала центральное место, — в ней приводится оценка поэтического таланта и любви героя к «сорокалетней женщине». Переделано только начало: «Был он изящен» — «И вот стал он взрослым». Повторяя одну и ту же мысль, Черный человек тем самым настаивает на своем первоначальном мнении, но не продолжает рассуждения. Мы ждем продолжения, тем более что дактилическая клаузула («милою») не дает завершающей интонации, но наше логическое и интонационное «ожидание» не оправдывается. В диалог «врывается»

лирический герой, перебивая собеседника и подхватывая только что сказанный им эпитет «скверная» (девочка), обратив его против Черного человека — «прескверный гость» (с добавлением приставки «пре», обозначающей высшую степень качества, то есть «скверности»). На этот раз ответная реплика героя сокращена наполовину и словесный поединок прерван «вмешательством» трости. Крутой сюжетный поворот отмечен ритмическим переломом: переход от дольника к анапесту, внутренние рифмы (взбешен — разъярен, давно — его), 5-сложное слово «переносицу», вынесенное в конец строфы, которое замедляет темп и фиксирует внимание на расправе с Черным человеком. Удару трости предшествуют два звуковых «удара» — «раз», расположенные симметрично в двух смежных строчках, а вся строфа насыщена «р» (11 раз, в остальных же не превышает 6–7).

XIX.

«Черный человек!
Ты прескверный гость.
Эта слава давно
Про тебя разносится».
Я взбешен, разъярен,
И летит моя трость
Прямо к морде его,
В переносицу...

Последняя строфа отделена от предыдущей многоточиями и выступает как эпилог, в котором получают завершение стянутые в один «пучок» все смысловые нити поэмы: мотивы умирающей природы и угасающей жизни, одиночества и ночных ужасов. Ритмическая завершенность проявляется в «чистой» анапестичности всей строфы, в заданной разноударности четных и нечетных стихов, в «разукрупнении» подстрочий до одноударности. Для концовки выбрана и оригинальная рифма «наковеркала — зеркало», рождающая ассоциацию «душа исковеркана», так как глагол «коверкать» означает «уродовать материально и морально».

XX.

...Месяц умер,	
Синеет в окошко рассвет.	Ан 4
Ах ты, ночь!	
Что ты, ночь, наковеркала?	3
Я в цилиндре стою.	
Никого со мной нет.	4
Я один...	
И разбитое зеркало...	3

Дактилическое окончание последнего слова и пунктуационный знак «...» не дают понижения интонации, повествовательной точки, и поэма заканчивается эмоциональным и интонационным «обрывом».

Какие же выводы позволяет сделать последовательный анализ есенинской поэмы? Прежде всего он обосновывает трактовку Черного человека как двойника героя и свидетельствует не о противопоставлении их, а об общности. И лирический герой не столько спорит со своим противником, сколько просит его замолчать и за него высказывает его предполагаемые мысли. Не раз партнеры как бы меняются местами, говорят друг за друга, передоверяют один другому собственные речевые особенности. Окончательному слиянию Черного человека с героем способствует повторение одной бытовой детали — цилиндра, вначале принадлежавшего ужасному видению («Приподняв свой цилиндр»), а в конце самому поэту («Я в цилиндре стою»), тем самым «удостоверяется» нереальность Черного человека, созданного большим воображением лирического героя и превратившегося в его «второе я».

Узнав о себе беспощадную правду и поняв, что черный человек в нем самом, лирический герой растерян и подавлен и не чувствует «в себе силы начать новую жизнь» (П. Юшин), скорее ощущает душевную опустошенность и усталость. Поэтому поэма

обрывается на щемящей, трагической ноте. Кажется, что круг замкнулся: снова «похоронный» мотив, безнадежное одиночество и «разбитая» душа. Однако это не тупик, а распутье: позади — ночные кошмары, впереди — пугающая неизвестность, а в настоящем — осознание собственной вины за свою «изломанную», «обокраденную» жизнь. Не в том ли смысл ритмико-интонационного «обрыва» в концовке «Черного человека», что жизнь не кончена и борьба продолжается?